

Проблема снижения влияния России на постсоветском пространстве: чем вызван дрейф государств СНГ в сторону многовекторности?¹

О.К. Петрович-Белкин, А.А. Еремин, С.А. Бокерия

Петрович-Белкин Олег Константинович – к.и.н., старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2; E-mail: petrovioleg@yandex.ru

Еремин Аркадий Алексеевич – к.и.н., ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2; E-mail: eremin_aa@rudn.university

Бокерия Светлана Александровна – к.ю.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2; E-mail: petrosvet@yandex.ru

С момента распада Советского Союза проблема взаимоотношений России с государствами постсоветского пространства традиционно находится в центре внимания как академического, так и экспертного сообщества. Особую актуальность данный вопрос приобретает в контексте существенных изменений в мировой политике, вызванных стремительным ухудшением отношений между Россией и западными державами на фоне эскалации украинского кризиса. В настоящей статье предпринимается попытка выявить ключевые факторы экономического, политического и социального характера, негативным образом воздействующие на текущую динамику взаимоотношений между Российской Федерацией и странами СНГ и тем самым обуславливающие постепенное снижение влияния России на постсоветском пространстве.

Структура статьи определяется методологией исследования, состоящей в выявлении трех крупных комплексов факторов (объективных, объективно-субъективных и субъективных), препятствующих укреплению влияния России на постсоветском пространстве. При этом под объективными подразумеваются в первую очередь факторы экономического и политического характера; под смешанными, объективно-субъективными – социокультурные и исторические факторы; и, наконец, под субъективными – политико-психологические факторы, детерминирующие постепенное падение влияния России на постсоветском пространстве.

Опираясь на вышеуказанную методологию и обширный аналитический материал, авторы приходят к выводу, что отказ государств СНГ от пророссийского курса обусловлен не только (а в отдельных случаях – и не столько) объективной потребностью постсоветских государств в диверсификации своих политических и торгово-экономических связей, но и рядом субъективных социокультурных и политико-психологических факторов. Они подробно рассматриваются в тексте статьи. Кроме того, один из выводов по итогам исследования состоит в том, что большая часть субъективных факторов, негативно воздействующих на эффективность политики России на постсоветском пространстве, потенциально может быть существенно минимизирована в относительно краткосрочной перспективе. В то же время ряд объективных факторов – и в первую очередь касающихся падения роли России в мировой экономике и сокращения ее товарооборота с государствами СНГ – напротив, носит достаточно долгосрочный характер, ввиду чего на исправление текущей динамики может потребоваться много времени.

¹ Статья поступила в редакцию в мае 2018 г.

Ключевые слова: внешняя политика; многовекторность; СНГ; постсоветское пространство; Россия; политическое влияние

Для цитирования: Петрович-Белкин О.К., Еремин А.А., Бокерия С.А. (2019) Проблема снижения влияния России на постсоветском пространстве: чем вызван дрейф государств СНГ в сторону многовекторности? // Вестник международных организаций. Т. 14. № 1. С. 94–112. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-06

Введение. Цель и задачи исследования

Потребность во всестороннем изучении особенностей внешней политики России на постсоветском пространстве обусловлена не только местом рассматриваемого региона в структуре внешнеполитических интересов РФ, нашедшим отражение в ряде концептуальных документов государства (в частности, в Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 г.²), но и теми тенденциями, которые в течение последних десятилетий все более явно прослеживаются во взаимоотношениях России с государствами постсоветского пространства. С точки зрения авторов, на сегодняшний день можно отметить как минимум три специфических черты, свойственных взаимодействию РФ с вышеуказанными государствами и влекущих за собой постепенное снижение влияния России на постсоветском пространстве:

- Во-первых, в государствах СНГ есть политические силы, ранее ориентировавшиеся во внешней политике на Россию, а в настоящее время придерживающиеся все более разностороннего, многовекторного подхода. Тем самым де-юре или де-факто они дистанцируются от тесной координации своего внешнеполитического курса с интересами России.
- Во-вторых, указанная тенденция приводит к значительному снижению эффективности внешней политики России на постсоветском пространстве. В значительной степени это обусловлено тем обстоятельством, что зачастую изначальный расчет РФ на лояльность и пророссийскую ориентацию национальных элит государств СНГ не вполне соответствует действительности.
- В-третьих, подобная дивергенция внешнеполитических линий России и государств постсоветского пространства приводит к тому, что отношения между Россией и рядом государств постсоветского пространства теряют прежний привилегированный статус, что негативно сказывается на политических, экономических и культурно-гуманитарных связях между странами.

Таким образом, *целью* настоящего исследования является попытка выявления ключевых факторов экономического, политического и социального характера, негативным образом воздействующих на текущую динамику взаимоотношений между РФ и странами СНГ и тем самым обуславливающих постепенное снижение влияния России на постсоветском пространстве. В частности, сочетание вышеуказанных факторов нередко приводит к некоторому, порой достаточно ощутимому, охлаждению отношений России с отдельными государствами постсоветского пространства (например, эпизодически с Азербайджаном, Узбекистаном, Таджикистаном, Туркменистаном),

² «Приоритетными направлениями внешней политики Российской Федерации являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами – участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием» [Концепция внешней политики..., 2016, п. 49].

а в исключительных случаях — даже к возникновению и последующей эскалации политического конфликта (Украина, Грузия, Молдавия). Более того, до известной степени аналогичная тенденция прослеживается и на «большой международной арене», в отношении стран дальнего зарубежья и в первую очередь западных государств, качество взаимодействия с которыми в настоящее время находится на низком уровне. Соответственно, логичным представляется вывод, что подобного рода тенденция вряд ли может быть вызвана случайным набором факторов — напротив, за ней, вероятно, скрывается некая объективная данность, которая требует всестороннего научного изучения и осмысления. Таким образом, цель настоящего исследования заключается в анализе наблюдающегося на постсоветском пространстве феномена последовательного дрейфа пророссийских сил в сторону многовекторности.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда задач:

- выявление и анализ отдельных (наиболее значимых с точки зрения авторов) комплексов факторов, обуславливающих снижение влияния России на постсоветском пространстве;
- оценка степени значимости объективной, объективно-субъективной и субъективной подгрупп факторов (экспликация данных понятий — см. ниже), определяющих дрейф стран СНГ в сторону многовекторности;
- рассмотрение глобального международного контекста 2014–2018 гг., характеризующегося резким обострением взаимоотношений между РФ и Западом, как одного из важных факторов утраты Россией прежнего влияния на постсоветском пространстве;
- анализ деятельности России в рамках ключевых региональных организаций (СНГ, ЕАЭС, ОДКБ) в контексте обоснования предложенной авторами исследовательской гипотезы (в частности, речь идет о том, что стремление Москвы к интенсификации интеграционных процессов на постсоветском пространстве можно рассматривать как своего рода ответ России на снижение ее политического и экономического влияния на соседние страны).

Ключевые дефиниции, методология и историография

Для детального и всестороннего понимания специфики рассматриваемого вопроса представляется важным привести ряд ключевых понятий и дефиниций, принятых авторами в последующем анализе проблемы влияния России на постсоветском пространстве. В первую очередь необходимо уточнить понимание терминов «пророссийская ориентация» («пророссийские силы») и «многовекторность» («многовекторный подход»).

Под *пророссийской ориентацией* тех или иных сил на постсоветском пространстве авторы понимают *объективную или субъективную* оценку тех или иных политических лидеров или представителей национальных элит государств СНГ в качестве непосредственно заинтересованных в выстраивании тесных, привилегированных отношений с Россией в политической, экономической, социальной, культурно-гуманитарной и других сферах. Своего рода антитезой данного термина является понятие *многовекторности (многовекторного подхода)*, под которым подразумевается стратегия внешнеполитических действий тех или иных сил на постсоветском пространстве, которая нацелена на диверсификацию политических связей соответствующего государства на международной арене, а также на формирование устойчивых межгосударственных отношений с широким кругом международных акторов, что может быть *объективно*

связано или *субъективно воспринято* в качестве отказа от привилегированных отношений с Россией.

Введение приведенного выше терминологического аппарата логическим образом детерминирует методологию исследования, призванную содействовать всестороннему исследованию как объективной, так и субъективной составляющей феномена дрейфа пророссийских сил в сторону многовекторности. Данный исследовательский подход обусловлен тем, что лишь подробный и всесторонний анализ всех факторов, определяющих эффективность политики России на постсоветском пространстве (включая не только объективные, но и субъективные аспекты рассматриваемого вопроса), позволит прийти к логически непротиворечивому и научно обоснованному выводу. Поэтому авторами были выделены четыре крупных комплекса факторов (экономический; политический; исторический и социокультурный; и политико-психологический, которые, на наш взгляд, охватывают все аспекты рассматриваемой проблемы), обуславливающих постепенный дрейф пророссийских сил в сторону многовекторности и, как следствие, очевидную эрозию двусторонних отношений соответствующих государств с Россией. В свою очередь, комплексы факторов были условно разделены на три обширных подгруппы: объективные (экономические и политические); объективно-субъективные (исторические и социокультурные); субъективные (политико-психологические) факторы.

Кроме того, в работе над статьей авторами были использованы такие экспликативные методы анализа международных отношений, как количественный и контент-анализ (в частности, для сопоставления экономических показателей роста ВВП и сравнения динамики товарооборота между государствами постсоветского пространства и Россией); ивент-анализ (примененный для рассмотрения вопроса о переходе ряда государств СНГ с кириллицы на латиницу), а также системный подход и анализ процесса принятия внешнеполитических решений (преимущественно в разделе, посвященном субъективным, политико-психологическим факторам, воздействующим на взаимоотношения РФ с отдельными государствами постсоветского пространства).

Рассматриваемая в настоящем исследовании проблема в последние годы нашла отражение в работах отечественных и зарубежных авторов. В частности, в отечественной историографии проблема влияния России на постсоветском пространстве рассматривалась такими исследователями, как Д.А. Дегтерев [Дегтерев и др., 2018], К.П. Курьлев [Курьлев, Нгойн и др., 2016; Курьлев и др., 2016], В. Лапкин и В. Пантин [Лапкин, Пантин, 2016], Н.Г. Галоян [Галоян, 2015] и др. В данном контексте особо следует отметить коллективную монографию “Russia and East Central Europe after the Cold War” на английском языке, научным редактором которой выступил отечественный исследователь А. Загорский [Zagorsky, 2015]. В свою очередь, проблематика торгово-экономических отношений РФ и государств постсоветского пространства нашла отражение в работах С.П. Базылевой и Е.Ф. Черненко [Базылева, Черненко, 2016], С.Н. Федорченко [Федорченко, 2017], В. Оболенского [Оболенский, 2017]. И, наконец, культурно-гуманитарные и идеологические детерминанты внешней политики России в ее исторической ретроспективе были подробно рассмотрены Р.А. Арслановым и В.Г. Джангирияном [Арсланов и др., 2017]. Что касается зарубежной историографии рассматриваемого вопроса, то здесь по объективным причинам соответствующих работ значительно меньше. Наиболее актуальными в данном контексте представляются научные труды таких авторов, как Р. Менон и Е. Рамер [Menon, Rumer, 2014], К. Дескальзи [Descalzi, 2011], Т. Гомарт [Gomart, 2006].

Экономические факторы, лежащие в основе ослабления влияния Российской Федерации на постсоветском пространстве

Одним из основных экономических факторов, детерминирующих постепенную утрату Россией политического влияния на постсоветском пространстве, следует назвать наблюдаемое в течение последних двух с половиной десятилетий общее снижение роли РФ в мировой экономике и международном товарообороте. В частности, по данным Всемирного банка, если в 1991 г. доля ВВП РФ (РСФСР) по паритету покупательной способности (ППС) составляла 3,9% от общемировых значений, то к 2008 г. она снизилась до 3,4%, а по состоянию на конец 2017 г. упала до 2,8% [The World Bank, с. а.]. Бесспорно, подобного рода падение экономических возможностей России не могло не сказаться и на эффективности проводимой ею политики на постсоветском пространстве, что можно объяснить, во-первых, все более ощутимым дефицитом экономических и, как следствие, политических инструментов влияния РФ на территории СНГ; и, во-вторых, общим снижением привлекательности внешнеполитического курса, нацеленного на выстраивание тесных торгово-экономических связей с Россией, для ряда постсоветских государств, постепенно переориентирующих свою политику на выстраивание многовекторного экономического сотрудничества с динамично развивающимися внешними (по отношению к региону) акторами — например, на взаимодействие с Китаем (что в первую очередь актуально для государств Центральной Азии). И, наконец, в-третьих, постепенное снижение роли РФ в мировой экономике самым негативным образом сказалось и на торговом обороте России с постсоветскими государствами, причем особенно заметно спад товарооборота между РФ и рядом стран СНГ проявился в период после 2014 г. и резкого обострения экономических проблем России в связи с последствиями украинского кризиса и введением западных санкций. Так, в 2014–2016 гг. совокупный товарооборот России с Белоруссией сократился на 23% (с 30,5 до 23,5 млрд долл. США); с Казахстаном — на 37% (с 20,8 до 13,03 млрд долл. США); с Узбекистаном — на 32% (с 3,96 до 2,7 млрд долл. США); с Арменией — на 4% (с 1,4 до 1,34 млрд долл. США); с Азербайджаном — на 51% (с 3,96 до 1,95 млрд долл. США); с Украиной — на 63% (с 27,8 до 10,2 млрд долл. США) [Внешняя торговля России, б. г.].

Анализ приведенных выше показателей позволяет сделать вывод, что ситуация последних нескольких лет характеризуется определенным снижением интенсивности отдельных торгово-экономических связей между Россией и большинством государств постсоветского пространства, причем продолжающаяся евразийская интеграция и развитие ЕАЭС, к сожалению, не могут затормозить данный процесс. Результатом подобной динамики становится исчезновение той экономической «подушки безопасности», которая ранее, с одной стороны, позволяла сглаживать те или иные противоречия, периодически возникавшие между РФ и отдельными государствами СНГ, а с другой — служила прочной основой для выстраивания конструктивного политического диалога. В данном контексте особо показательна ситуация с Украиной, во взаимоотношениях с которой наблюдается следующая негативная тенденция: обострение внешнеполитических противоречий между странами ведет к снижению интенсивности торгово-экономического взаимодействия между ними и, как следствие, к резкому сокращению товарооборота. Разрыв торгово-экономических связей, в свою очередь, приводит к исчезновению того сдерживающего фактора, который до известной степени препятствовал дальнейшей эскалации политической напряженности между странами.

Снижение товарооборота между Россией и государствами постсоветского пространства влечет за собой постепенное сокращение влияния пророссийски настроенных представителей политической элиты государств СНГ, а также связанных с ними экономических «групп влияния» (предпринимателей, финансистов и т.д.), объективно заинтересованных в сохранении тесных связей с РФ как в экономической, так и в политической сферах, что резко усиливает альтернативный вектор внешней политики рассматриваемых стран и укрепляет курс на многовекторность.

И, наконец, еще одним значимым экономическим фактором, обуславливающим снижение влияния России на постсоветском пространстве, является объективная заинтересованность государств СНГ в торгово-экономическом взаимодействии с внерегиональными акторами – например, со странами Запада. Ранее, в условиях отсутствия конфликта РФ с западными государствами и наличия между ними относительно тесных экономических и культурно-гуманитарных взаимосвязей, подобное стремление постсоветских государств не приводило и не могло привести к серьезным финансовым и репутационным потерям России, однако после введения против РФ западных санкций и резкого обострения внешнеполитических противоречий, порожденных в первую очередь украинским и сирийским кризисами, перед отдельными странами СНГ (Украиной, Молдавией, в меньшей степени – Белоруссией) все более явно встала дилемма: «или с Россией, или с Западом», то есть *tertium non datur*³. В итоге, если ранее для постсоветских государств речь шла просто о диверсификации экономического курса и о налаживании устойчивых торговых взаимосвязей с максимально широким кругом внешних акторов, то в настоящее время все отчетливее проступают контуры так называемой игры с нулевой суммой, когда соответствующим государствам необходимо сделать выбор в пользу либо одной, либо другой стороны глобального противостояния. Причем выбор одной из альтернатив неизбежно приводит к ухудшению отношений или даже к возникновению конфликта с «проигравшим» в данном конкурентном соревновании государством (государствами). Бесспорно, подобная дилемма, стоящая перед рядом стран СНГ (и, прежде всего, перед странами, которые имеют устоявшиеся торговые отношения со странами Запада), не может не ослаблять экономические и, как следствие, политические позиции России на постсоветском пространстве.

Тем не менее значимость вышеуказанных экономических факторов, обуславливающих ослабление влияния России на территории СНГ, ни в коем случае не следует абсолютизировать. В частности, многие моменты указывают на определенные издержки данной методологии. Например, в вышеуказанный тренд не вписывается ситуация с Белоруссией, торгово-экономические связи с которой у Российской Федерации традиционно остаются на высоком уровне. При этом Минск проводит достаточно независимую от Москвы внешнюю политику, что указывает на то, что к использованию представленной выше методологии стоит подходить с осторожностью. Кроме того, необходимо учесть и еще одно важное обстоятельство: показатели экономического товарооборота между Россией и государствами СНГ (см. выше) были приведены в долларах США, ввиду чего представленные статистические данные должны быть скорректированы с учетом существенной девальвации национальной валюты РФ в 2014–2018 гг. (при этом не стоит игнорировать и тот факт, что национальные валюты ряда других государств постсоветского пространства также подверглись девальвации в рассматриваемый период, то есть необходимо подходить к рассмотрению каждого отдельного случая спада товарооборота на строго индивидуальной основе).

³ Третьего не дано (лат.).

Подводя итог анализу экономических факторов, определяющих дрейф стран СНГ в сторону многовекторности, можно сделать следующий вывод: зачастую подобная политика постсоветских государств обусловлена их стремлением к осуществлению постепенного геополитического поворота на Запад и последующей интеграции в соответствующие политические и экономические структуры (например, НАТО, ЕС) при сохранении финансово-ресурсной поддержки со стороны России. Такая направленность внешнеполитического курса ненова и в той или иной степени была характерна для ряда государств постсоветского пространства (например, для Украины и Грузии, в меньшей степени – для Молдавии) еще с момента обретения ими независимости в 1991 г. Однако в контексте резкого обострения взаимоотношений между Россией и Западом данный феномен вполне может обрести новое наполнение. Пока трудно оценить, насколько эффективной может оказаться подобная политика, однако определенное влияние на позиции РФ на постсоветском пространстве она, несомненно, окажет.

Политические факторы, обуславливающие привлекательность многовекторного подхода для стран СНГ

В тесной взаимосвязи с экономическими обстоятельствами, детерминирующими ослабление влияния России на постсоветском пространстве, находится вторая группа объективных факторов, которые условно могут быть названы политическими. Представляется логичным, что постепенное снижение роли РФ в мировой экономике и международном товарообороте подталкивает государства СНГ к диверсификации собственного экономического и, как следствие, политического курса. В связи с этим многовекторность и вытекающая из нее потребность в проведении сбалансированной внешней политики является лейтмотивом многих выступлений и интервью государственных деятелей и политических лидеров разных стран постсоветского пространства [Дорожкин, 2012]. Для иллюстрации данного тезиса приведем три цитаты, принадлежащие президентам Белоруссии, Кыргызстана и Казахстана: «У нас нет иной судьбы, как строить нашу внешнюю политику как многовекторную. Мы сегодня находимся в эпицентре евразийского континента, так сложилась судьба. У нас нет другого пути, как развивать многовекторную политику» (президент Белоруссии А.Г. Лукашенко) [РИА Новости, 2017]; «Одной из основных задач внешнеполитической деятельности является сохранение баланса интересов между основными игроками мировой политики. Таким образом, для нас многовекторность – это независимая и свободная в своем выборе внешняя политика, которая основывается, прежде всего, на национальных интересах Кыргызстана и благополучии нации» (бывший президент Кыргызстана А.Ш. Атамбаев) [KRG, 2016]; «Казахстан, в силу своего геополитического положения и экономического потенциала, не вправе замыкаться на узкорегиональных проблемах. Это было бы непонятно не только нашему многонациональному населению, но и всему мировому сообществу. Будущее Казахстана – и в Азии, и в Европе, и на Востоке, и на Западе. Проводя именно такую политику, мы сможем исключить какие-либо проявления угрозы безопасности Казахстана. Мы сможем укрепить благоприятные внешние условия экономическими и политическими преобразованиями в нашей стране» (президент Казахстана Н.А. Назарбаев) [Kazinform, 2010].

В приведенных высказываниях лидеров А.Г. Лукашенко, А.Ш. Атамбаева и Н.А. Назарбаева, по сути, лежит одна и та же идея, артикулированная несколько различным способом, что, учитывая абсолютную несхожесть политической, экономической и социальной ситуации в Белоруссии, Кыргызстане и Казахстане, может

свидетельствовать о том, что курс на проведение многовекторной политики воспринимается лидерами разных государств СНГ как объективная политическая и экономическая потребность возглавляемых ими государств. Особо показательна в этом плане цитата Н.А. Назарбаева, относящаяся еще к началу декабря 1991 г. (то есть за несколько недель до распада СССР) и де-факто являющая собой политическую программу Казахстана на последующие десятилетия. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что хотя в цитируемых высказываниях напрямую и не была артикулирована, но все же скрытым образом, имплицитно содержалась мысль о постепенном отказе или, по крайней мере, отступлении от исключительно пророссийской ориентации, рассматриваемой лидерами постсоветских государств в качестве менее выгодной внешнеполитической альтернативы по сравнению с многовекторным подходом. Таким образом, наличие у стран СНГ объективных политических и экономических интересов, далеко не всегда совпадающих с национальными интересами и внешнеполитическими потребностями России, следует назвать одной из важнейших причин дрейфа пророссийских сил в сторону многовекторности и, как следствие, постепенного снижения влияния РФ на постсоветском пространстве. Более того, ввиду объективного характера вышеуказанного фактора преодолеть его в режиме «ручного управления», то есть чисто субъективными мерами (например, выстраиванием теплых личных отношений с лидерами соответствующих государств) фактически не представляется возможным. Напротив, для изменения текущей ситуации к лучшему необходимо задействовать максимально широкий комплекс мер, призванных преодолеть имеющиеся разногласия и скоординировать действия РФ и стран СНГ по ключевым экономическим, политическим и гуманитарным вопросам, тем самым обеспечив сближение позиций и национальных интересов России и постсоветских государств, а также минимизировав угрозу конфликта или же резкого ухудшения отношений между сторонами в будущем.

Исторические и социокультурные факторы, препятствующие укреплению влияния Российской Федерации на постсоветском пространстве

Распад Советского Союза и обретение независимости государствами СНГ дали мощный импульс подъему национального самосознания в новообразованных странах, причем зачастую поиски этнической и национальной идентичности постсоветских государств сопровождалась резким разрывом с собственным прошлым. Серьезное противоречие заключалось и в том, что нередко представители новых национальных элит возлагали вину за проблемы социально-экономического и политического характера, свойственные их странам, на «колониальное» (в их представлении) прошлое, а также на политику Советского Союза и, как следствие, России как правопреемницы последнего. В частности, подобная тенденция отчетливо прослеживалась в 1991–2017 гг. в странах Балтии, на Украине, в Молдавии и до некоторой степени в Грузии, в то время как в странах Центральной Азии, в Армении и Азербайджане данный тренд был выражен менее явно. Вполне логично, что субъективное восприятие РФ в качестве актора, в той или иной мере ответственного за текущие внутри- и внешнеполитические неудачи новообразованных государств, в сочетании с объективными проблемами в налаживании полномасштабного диалога с Москвой по самому широкому кругу достаточно непростых вопросов (касавшихся в том числе таких деликатных тем, как общее прошлое в составе Российской империи и Советского Союза), не могло не сказаться

негативным образом на позициях и степени влияния России на постсоветском пространстве.

В разделе, посвященном экономическим факторам, обуславливающим снижение влияния России на постсоветском пространстве, уже упоминалось о падении значимости пророссийских «групп влияния» в ряде государств СНГ, однако тогда данный вопрос рассматривался исключительно с экономических позиций. Для создания более полной картины наблюдающегося дрейфа пророссийских сил в сторону многовекторности необходимо отметить, что эта тенденция обусловлена не только торгово-экономическими, но и историко-социальными факторами – своего рода детерминантами, заключающимися, в частности, в постепенной дивергенции культур России и других постсоветских государств после распада СССР, а также в снижении роли русского языка в общественной и культурной жизни стран СНГ. На сегодняшний день русский язык наделен статусом официального языка только в трех государствах постсоветского пространства: в Белоруссии, Казахстане и Кыргызстане. В остальных странах СНГ его значимость неуклонно снижается. Кроме того, ситуация усугубляется еще тремя немаловажными факторами: во-первых, наблюдающимся практически по всем государствам постсоветского пространства планомерным сужением сферы применения русского языка как в среднем и высшем образовании, науке, культуре, в рамках теле- и радиовещания, так и в повседневной жизни; во-вторых, практически полным отсутствием поддержки русского языка на постсоветском пространстве со стороны федеральных органов власти РФ, а также недостаточной эффективностью работы Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничества); и, наконец, в-третьих, переходом ряда стран СНГ с кириллицы на латиницу: подобная реформа была проведена в Молдавии еще до распада Советского Союза, в 1989 г.; Узбекистан и Туркменистан перешли на латиницу в 1993 г.; Азербайджан отказался от кириллицы в 1992–2001 гг.; и, наконец, указом от 26 октября 2017 г. аналогичная реформа была запущена в Казахстане [Президент Республики Казахстан, 2017]. Таким образом, снижение численности русскоязычной диаспоры и, как следствие, пророссийски ориентированных «групп влияния» в государствах СНГ также является важнейшей социокультурной предпосылкой падения значимости и степени влияния России на постсоветском пространстве.

Политико-психологические (субъективные) факторы, снижающие эффективность политики Российской Федерации на постсоветском пространстве

Политико-психологические факторы, обуславливающие ослабление влияния России на постсоветском пространстве, понимаются авторами настоящего исследования как комплекс причин личностного и субъективного характера, которые непосредственно приводят или способны привести к неправильной или искаженной оценке текущего состояния и специфики двусторонних отношений РФ с отдельными государствами СНГ. Отталкиваясь от подобного определения политико-психологических факторов, данную группу можно условно разделить на несколько подкатегорий, каждую из которых представляется целесообразным рассмотреть отдельно.

Во-первых, речь идет о неверной оценке первоначальных намерений и политических пристрастий тех или иных сил на постсоветском пространстве, позиционирующих себя в качестве пророссийски ориентированных. Зачастую представители националь-

ных элит стран СНГ используют пророссийскую риторику либо в качестве популизма, рассчитанного на привлечение части электората на свою сторону, либо для получения непосредственной выгоды за счет России. Наиболее ярким примером национальных элит, относимых к данной подкатегории, являются представители политического класса Белоруссии, заинтересованные в извлечении финансовой выгоды для своей страны от позиционирования себя в качестве ближайших (или единственных) надежных союзников России. Аналогичным образом к данной подкатегории можно отнести национальные элиты Армении, для которых пророссийская ориентация ценна не сама по себе, а в свете стремления к обеспечению собственной безопасности и скорейшего разрешения замороженного карабахского конфликта в свою пользу. Еще один наглядный пример искаженной оценки со стороны российского правящего класса тех политических устремлений, которые изначально были присущи якобы пророссийским силам на постсоветском пространстве, – ситуация, сложившаяся после «революции роз» в Грузии в 2003 г. В частности, Михаил Саакашвили сначала рассматривался российским истеблишментом как пророссийский кандидат, более предпочтительный в сравнении со склонным к проведению многовекторного внешнеполитического курса Эдуардом Шеварнадзе. Последующие события отчетливо продемонстрировали: первоначальный расчет на пророссийскую ориентацию Михаила Саакашвили был в корне неверным, что некоторое время спустя стало одной из ключевых причин эскалации южноосетинского конфликта и начала «пятидневной» российско-грузинской войны в августе 2008 г.

Во-вторых, еще одной проблемой внешней политики России на постсоветском пространстве становится своего рода абсолютизация понятия «пророссийская ориентация», то есть отождествление данного термина с мнимой готовностью тех или иных политических сил из государств СНГ к любым уступкам и компромиссам по самому широкому кругу вопросов. В своем логическом завершении подобная точка зрения приводит к ошибочному выводу, что нахождение пророссийски ориентированных сил в власти в том или ином государстве постсоветского пространства дает Москве некоторого рода карт-бланш на проведение любых внешнеполитических действий в отношении соответствующего субъекта, что вполне закономерно наносит серьезный ущерб двусторонним связям и, более того, обуславливает стремительный дрейф ранее лояльных и полностью ориентированных на Россию сил в сторону многовекторности. В частности, прежде подобная тенденция была характерна для российско-украинских отношений в период нахождения у власти Л.Д. Кучмы (1994–2005 гг.) и В.Ф. Януковича (2010–2014 гг.), а в настоящее время наиболее ярко она проявляется во взаимодействии РФ с Белоруссией и рядом других государств ЕАЭС (Арменией, Кыргызстаном, отчасти Казахстаном), в отношении которых формулируется логически ошибочный тезис о безальтернативности пророссийского курса данных государств (который, для наглядности, может быть артикулирован всем известной, хотя и не совсем академичной фразой «никуда они от нас не денутся») и, как следствие, их готовности идти на серьезные уступки в экономической, политической и гуманитарной сферах ради долгосрочного сохранения тесных и привилегированных отношений с Россией.

И, наконец, в-третьих, политико-психологический аспект, детерминирующий снижение влияния России на постсоветском пространстве, заключается также в значительной переоценке со стороны российского правящего класса так называемого субъективного, личностного фактора во взаимоотношениях со странами СНГ. Наиболее отчетливо данная проблема проявляется в трех аспектах. Рассмотрим их подробнее.

1. Прежде всего, необходимо упомянуть о такой стороне рассматриваемого вопроса, как ошибочное отождествление российским истеблишментом хороших личных отношений с лидерами / представителями национальной элиты или правящего класса

государств СНГ с готовностью последних проводить абсолютно пророссийски ориентированный внешнеполитический курс, то есть, по сути, речь идет о непонимании того, что теплые и доброжелательные отношения с лидером соответствующего государства отнюдь не гарантируют, что в своей внешней политике он всегда и во всем будет придерживаться выгодного России курса. Более того, такого рода заблуждение достаточно ярко проявляется в отношениях не только с государствами постсоветского пространства, но и со странами дальнего зарубежья (в данном контексте особенно нагляден и примечателен пример с США, во взаимодействии с которыми хорошие личные отношения двух президентов — В.В. Путина и Д. Трампа — очень слабо коррелируют с динамикой двусторонних связей и фактически не влияют на ослабление текущих противоречий между двумя государствами).

2. Второй аспект затронутой проблемы можно сформулировать следующим образом: с точки зрения авторов, на позиции РФ на постсоветском пространстве исключительно негативное влияние оказывает все более отчетливо проявляющаяся тенденция к принятию представителями российского истеблишмента отдельных, зачастую достаточно значимых внешнеполитических решений на основе относительно малоперспективного, субъективистского подхода, не опирающегося на всесторонний рациональный анализ объективных экономических и политических данных. С точки зрения авторов, подобного рода субъективистский, иррациональный подход к принятию ключевых внешнеполитических решений во все времена был следствием чрезмерной концентрации власти в руках одного лидера или небольшой группы лиц. При этом отмечается следующая, вполне логичная закономерность: чем более сильная концентрация власти наблюдается в том или ином государстве, тем больший процент внутри- и внешнеполитических решений принимается на основе именно субъективистского подхода, что в конечном счете приводит к серьезным ошибкам и просчетам на международной арене.

3. Последняя составляющая рассматриваемой проблемы заключается в том, что отмеченная выше переоценка личностного фактора и роли пророссийски ориентированных лидеров из государств СНГ, в свою очередь, влечет за собой существенную недооценку со стороны российского правящего класса настоятельной необходимости серьезной и планомерной работы со структурами гражданского общества, оппозицией и НПО постсоветских государств. Другими словами, абсолютизация роли пророссийских (или ошибочно признаваемых в качестве таковых — см. п. 1) политиков из стран СНГ приводит к проведению достаточно рискованного внешнеполитического курса, ориентированного на взаимодействие лишь с одной из значимых общественных групп соответствующего государства (такую внешнеполитическую линию можно метафорически охарактеризовать как политику в стиле «все яйца в одной корзине»). Результатом применения подобного подхода на практике часто становится ситуация, когда смена власти в том или ином государстве СНГ де-факто приводит к практически полному разрыву всех имеющихся связей с Россией и последующей эскалации конфликта, что и произошло, в частности, после «оранжевой революции» на Украине в 2004 г., а также после событий Евромайдана в Киеве в конце 2013 — начале 2014 г.

Региональная интеграция как механизм поддержания влияния Российской Федерации на постсоветском пространстве

В историческом контексте формирование Российской Федерации совпало с необходимостью противодействия центробежным тенденциям на постсоветском пространстве, грозившим повлечь за собой разрыв сложившихся экономических, политических

и социокультурных связей между бывшими республиками СССР. Первоначально главным механизмом, призванным обеспечить сохранение влияния РФ на постсоветском пространстве, было СНГ, подразумевавшее интеграцию по всем вышеуказанным направлениям. Однако впоследствии, в силу ряда причин, Содружество продемонстрировало недостаточную эффективность, что мотивировало Российскую Федерацию адаптировать свой внешнеполитический курс под более узкоспециализированные форматы региональной интеграции. В частности, наиболее приоритетные направления взаимодействия с государствами постсоветского пространства – торгово-экономическое и военно-политическое – нашли практическое воплощение в деятельности Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) соответственно. С точки зрения авторов, основная цель деятельности России в рамках данных региональных организаций сводится в первую очередь к противодействию тем негативным факторам, которые обуславливают снижение ее влияния в регионе. Таким образом, деятельность интеграционных объединений на постсоветском пространстве можно рассматривать в качестве своего рода контртренда по отношению к эффекту тех факторов, которые были описаны выше.

Из данного положения логически вытекает второй ключевой аспект рассматриваемой темы, а именно комплексная оценка эффективности используемых Россией инструментов региональной интеграции для укрепления собственных позиций на постсоветском пространстве. Другими словами, необходимо ответить на следующий вопрос: насколько успешно деятельность РФ в рамках региональных организаций купирует те факторы, которые обуславливают дрейф стран СНГ в сторону многовекторности. С нашей точки зрения, данный вопрос ввиду его исключительной сложности и неоднозначности целесообразно рассмотреть диалектически.

С одной стороны, успехи Евразийского экономического союза, такие как ликвидация таможенных ограничений и пошлин на ряд товарных категорий, обеспечение более свободного движения капитала, услуг и рабочей силы в рамках интеграционного объединения, оформление правовой базы единого экономического пространства, формирование общего рынка по отдельным категориям продукции (например, фармакологических препаратов и продукции медицинского назначения [Евразийская экономическая комиссия, 2017]), разработка программы либерализации электроэнергетического рынка, запланированной на 2019 г. [Высший Евразийский экономический совет, 2016; Евразийский экономический союз, 2018]; создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом (2016 г.) [Евразийская экономическая комиссия, 2016], КНР (2018 г.), Ираном (2018 г.) и Кубой (2018 г.), не могли не способствовать росту влияния России на постсоветском пространстве, так как их непосредственным следствием стало укрепление торгово-экономических и социальных связей между РФ и ее партнерами по организации.

Аналогичным образом определенные успехи были достигнуты также и в военно-технической и политической сферах сотрудничества. В частности, было подписано Соглашение о миротворческой деятельности ОДКБ [ОДКБ, 2007а], созданы Объединенный штаб [ОДКБ, 2012] и Координационный совет по чрезвычайным ситуациям государств – членов организации [ОДКБ, 2007б], утвержден План мероприятий по реализации Основных направлений развития системы коллективного реагирования государств – членов ОДКБ на чрезвычайные ситуации [ОДКБ, 2014] и т.д. Некоторые достижения были отмечены и в области обеспечения информационной безопасности России и ее партнеров по объединению. В связи с этим можно сделать промежуточный вывод, что эти достижения, несмотря на их локальный и достаточно ограниченный ха-

раक्टर, тем не менее оказали определенное позитивное воздействие на упрочение позиций РФ на постсоветском пространстве.

С другой стороны, стоит признать, что на сегодняшний день экономическая интеграция в рамках ЕАЭС пока не стала основой для ускорения и расширения интеграционных инициатив в иных областях. Более того, динамика и темпы экономической интеграции подвергаются влиянию негативных факторов – в частности, среди участников Союза по-прежнему существуют разногласия относительно перечня тех категорий товаров и услуг, торговля которыми должна регламентироваться нормативно-правовой базой организации. Примером данной тенденции, например, является несовпадение позиций России и Белоруссии в отношении поставок молочной продукции [Tut.by, 2018]. Аналогичные проблемы периодически возникают и во взаимоотношениях между другими участниками ЕАЭС (например, между Казахстаном и Кыргызстаном). Кроме того, члены организации пока не сумели добиться прогресса и в достижении договоренности относительно введения единой валюты во взаимной торговле – в том числе потому, что ряд государств выступает против подобного нововведения даже в отдаленной перспективе (см. высказывание Н.А. Назарбаева по данному вопросу: «До этого была одна единая валюта, но сейчас такой вопрос на повестке дня не стоит. Ничего бояться не надо» [Allyn-orda, 2015]). Подобная позиция во многом объясняется опасениями некоторых государств постсоветского пространства относительно того, что дальнейшая унификация в экономической сфере может привести к чрезмерной зависимости стран – участниц ЕАЭС от России и, как следствие, к последующей утрате ими политической независимости.

Еще одной проблемой региональной интеграции на постсоветском пространстве является фактическое неравенство экономических потенциалов тех стран, которые принимают в ней участие, что, в свою очередь, ведет к возникновению существенных дисбалансов в структуре взаимного товарооборота и в показателях фискальной нагрузки в различных государствах ЕАЭС. Так, по словам доцента кафедры экономики и финансов РАНХиГС А. Алисенова, «фискальная нагрузка к ВВП в 2014 г. в России составила 34,5%, в Белоруссии – 42,6%, а в Казахстане – 26,4%. По уровню инфляции за этот же период показатели также существенно отличаются: в России – 11,4%, в Белоруссии – 16,2%, а в Казахстане – 7,0%» [Ассоциация содействия развитию..., 2015]. Таким образом, в настоящее время потенциал инструментов свободного рынка в рамках ЕАЭС реализуется не в полной мере, что негативно сказывается на динамике укрепления влияния России на постсоветском пространстве посредством механизмов региональной интеграции.

Подводя итог рассматриваемой теме и вкратце рассмотрев сильные и слабые стороны экономической и политической интеграции на постсоветском пространстве, можно прийти к следующему выводу: механизмы региональной интеграции в силу недостаточной реализации их потенциала и наличия существенных противоречий между отдельными государствами могут лишь в незначительной степени купировать те негативные факторы, которые обуславливают снижение влияния России на территории СНГ. Однако и говорить о детерминированности текущей ситуации все же не стоит: на взгляд авторов, при наличии должной политической воли всех заинтересованных сторон в перспективе роль региональных интеграционных объединений вполне может существенно возрасти, что самым позитивным образом скажется на позициях РФ на постсоветском пространстве.

Заключение

Анализ вышеуказанных факторов, обуславливающих дрейф пророссийских сил в сторону многовекторности и, как следствие, снижение влияния России на постсоветском пространстве, позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, рассматривая современные взаимоотношения РФ и стран СНГ, следует иметь в виду, что динамика их двусторонних и многосторонних связей в значительной степени определяется комплексом как объективных, так и субъективных факторов. Необходимо признать, что в ближайшее время тенденция постепенного сокращения влияния пророссийских сил на постсоветском пространстве, к сожалению, вряд ли исчезнет или, что еще менее вероятно, обратится вспять. Данный постулат, с точки зрения авторов, логически вытекает из тезиса, что в основе проанализированного нами тренда лежат многочисленные экономические, политические, исторические, социокультурные и политико-психологические факторы, которые, взаимно усиливая и укрепляя друг друга, обретают значительный синергетический эффект.

Во-вторых, механизмы региональной интеграции в рамках СНГ, ОДКБ и ЕАЭС в перспективе могли бы стать действенными инструментами сохранения влияния России на постсоветском пространстве, однако на сегодняшний день, в силу перечисленных выше факторов, данный потенциал в полной мере не используется. Тем не менее внешнеполитический курс на расширение и углубление интеграционных процессов как в политической, так и в социально-экономической сфере вполне может стать достаточно эффективным ответом России на те вызовы, которые угрожают ее позициям на территории СНГ.

В-третьих, важно подчеркнуть, что если субъективные факторы, негативным образом воздействующие на эффективность политики России на постсоветском пространстве, могут быть существенно минимизированы в относительно краткосрочной перспективе, то с объективными факторами — в первую очередь касающимися падения роли РФ в мировой экономике и сокращения ее товарооборота с государствами СНГ — ситуация гораздо сложнее, и на исправление текущей динамики может потребоваться много времени. При этом значительную роль в данном процессе будет играть мировая политическая и экономическая конъюнктура, в связи с чем России жизненно важно проявлять исключительную осмотрительность, осторожность и деликатность при принятии ключевых внешнеполитических решений, затрагивающих ее интересы на постсоветском пространстве. В условиях глобализации и нарастания транснациональных вызовов и угроз каждое внешнеполитическое действие того или иного государства должно быть свободно от какой бы то ни было эмоциональной составляющей и опираться на доскональный анализ всего массива наличествующих эмпирико-фактических данных, а результатом подобного подхода должна стать абсолютная предсказуемость, рациональность и, более того, прогнозируемость внешнеполитического курса соответствующего актора.

В конечном счете успех российской внешней политики на пространстве СНГ во многом будет зависеть от сдержанной реакции Москвы на суверенный выбор постсоветских государств в торгово-экономической, политической, социальной и культурно-гуманитарной сферах, а также от скорейшей минимизации рассмотренного выше субъективного фактора, то есть от полного отказа от каких бы то ни было иррациональных, не до конца продуманных действий, которые способны нанести ущерб взаимоотношениям России со значительной частью мирового сообщества, и в том числе с ее ближайшими соседями по постсоветскому пространству.

Источники

Ассоциация содействия развитию внешнеэкономической деятельности (2015) ЕАЭС: хотели как лучше, получилось – как всегда. Режим доступа: <http://np-srv.ru/news/964.html> (дата обращения: 12.02.2018).

Базылева С.П., Черненко Е.Ф. (2016) Сотрудничество Узбекистана и России как стабилизирующий фактор на евразийском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». Т. 16. № 3. С. 505–520.

Внешняя торговля России (б. г.) Данные Федеральной налоговой службы (ФНС) РФ. Режим доступа: <http://russian-trade.com/> (дата обращения: 12.02.2018).

Высший Евразийский экономический совет (2016) О Программе формирования общего электро-энергетического рынка Евразийского экономического союза. 26 декабря. Режим доступа: <http://docs.canted.ru/document/456056118> (дата обращения: 02.09.2018).

Галоян Н.Г. (2015) Армяно-грузинские отношения в контексте региональной безопасности на Южном Кавказе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». Т. 15. № 4. С. 120–131.

Дегтерев Д., Василюк И., Баум В. (2018) Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 1. С. 63–75.

Дорожкин Ю.Н. (2012) Актуальные проблемы модернизации политической системы России // Власть. № 10. С. 10–13.

Евразийская экономическая комиссия (2017) В ЕАЭС стартует единый рынок лекарственных средств. Режим доступа: <http://www.Eurasian commission.org/ru/nae/news/Pages/5-05-2017.aspx> (дата обращения: 01.09.2018).

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) (2016) Соглашение о свободной торговле между государствами – членами ЕАЭС и Социалистической Республикой Вьетнам. Режим доступа: http://www.Eurasian commission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/EAEU-VN_FTA.pdf (дата обращения: 04.09.2018).

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) (2018) Договор о Евразийском экономическом союзе (с изменениями на 14 мая 2018 г.). Режим доступа: <http://docs.canted.ru/document/420205962> (дата обращения: 02.09.2018).

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). (2016) Режим доступа: http://www.mid.run/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 11.02.2018).

Курылев К.П., Нарышкин В.С., Озинковская Е., Рахимов К.Х. (2016) Евразийский экономический союз во внешнеполитической стратегии России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». Т. 16. № 1. С. 75–86.

Курылев К.П., Нгоян А.Л., Паласиос К.Э., Скудина О.В. (2016) Неурегулированные конфликты на постсоветском пространстве в анализе западных экспертно-аналитических центров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». Т. 16. № 3. С. 482–493.

Лапкин В., Пантин В. (2016) Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: роль внешнеполитических факторов // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 12. С. 92–103.

Оболенский В. (2017) Открытость национальных экономик: мир и Россия // Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. № 10. С. 5–15.

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) (2007а) Соглашение Организации Договора о коллективной безопасности о миротворческой деятельности. 6 октября. Режим доступа: http://base.spin form.ru/show_doc.fwx?rgn=19059 (дата обращения: 04.09.2018).

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) (2007б) Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности о создании Координационного

совета по чрезвычайным ситуациям государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности. 6 октября. Режим доступа: http://base.spin form.ru/show_doc.fwx?rgn=21503 (дата обращения: 04.09.2018).

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) (2012) Соглашение о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности. 14 июня. Режим доступа: <http://docs.canted.ru/document/902379431> (дата обращения: 04.09.2018).

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) (2014) Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности о Плане мероприятий по реализации Основных направлений развития системы коллективного реагирования государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности на чрезвычайные ситуации. 23 декабря. Режим доступа: http://base.spin form.ru/show_doc.fwx?rgn=82006 (дата обращения: 04.09.2018).

Президент Республики Казахстан (2017) Указ Президента Республики Казахстан от 26 октября 2017 г. № 569 «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику» (с изменениями от 19 февраля 2018 г.). Режим доступа: http://online.salon.kz/Document/?doc_id=33613600#pos=5;-103 (дата обращения: 15.02.2018).

РИА Новости (2017) Лукашенко заявил, что политика Белоруссии должна быть многовекторной. 3 февраля. Режим доступа: <https://ria.run/world/20170203/1487110298.html> (дата обращения: 14.02.2018).

Федорченко С.Н. (2017) МВФ и социально-политические процессы на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». Т. 17. № 1. С. 22–33.

Allyn-orda (2015) Назарбаев: Единой валюты в ЕАЭС не будет. Режим доступа: <https://www.lateen-orda.kz/nazarbaev-edinoj-valyuty-v-eaes-ne-budet> (дата обращения: 10.09.2018).

Arslan R.A., Dzhangiryan V.G., Krylova K.P. Petrovich-Belkin O.K. (2017) West European Countries and Their Foreign Policy in the Views of the Russian Liberals of Mid-to-Late Nineteenth Century // The International History Review. Режим доступа: <http://www.mandoliner.com/doi/abs/10.1080/07075332.2017.1350873?journalCode=rinh20> (дата обращения: 25.02.2018).

Descaling C.A.G. (2011) Russian hegemony in the CIS region: an examination of Russian influence and of variation in consent and dissent by CIS states to regional hierarchy. Режим доступа: https://www.ResearchGate.net/publication/277072514_Russian_hegemony_in_the_CIS_region_an_examination_of_Russian_influence_and_of_variation_in_consent_and_dissent_by_CIS_states_to_regional_hierarchy (дата обращения: 26.02.2018).

Gohmert T. (2006) What is Russia's influence in Post-Soviet sphere? Режим доступа: https://www.ResearchGate.net/publication/290650293_What_is_Russia%27s_influence_in_Post-Soviet_sphere (дата обращения: 28.02.2018).

Kazinform (2010) Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства – верный курс, заданный Президентом Н. Назарбаевым. Режим доступа: <http://inform.oz.:8080/arb/article/2299544> (дата обращения: 14.02.2018).

KRG (2016) Атамбаев А.: Многовекторность основана на национальных интересах страны. Режим доступа: <http://keg.rus4all.ru/exclusive/20160505/726618208.html> (дата обращения: 14.02.2018).

Menon R., Rumer E.B. (2014) Conflict in Ukraine: The Unwinding of the Post-Cold War Order. Massachusetts: The MIT Press.

The World Bank (с. а.) World Development Indicators. Режим доступа: <http://databank.world bank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators> (дата обращения: 12.02.2018).

Tut.by (2018) ЕЭК: Российские ограничения поставок молока из Беларуси имеют признаки нарушения договора о ЕАЭС. 6 июня. Режим доступа: <https://news.tut.by/economics/595738.html?crud=39719> (дата обращения: 10.09.2018).

Zagorsky A. (2015) Russia and East Central Europe after the Cold War. Prague: Human Rights Publishers. Режим доступа: <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/11384.pdf> (дата обращения: 25.02.2018).

The Problem of Russia's Declining Influence in the Former Soviet Union: Why Are the CIS Countries Drifting Toward Multilateralism?¹

O. Petrovitch-Belkin, S. Bokeriya, A. Yeryomin

Oleg Petrovitch-Belkin – PhD, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia; 10/2 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation; E-mail: petrovioleg@yandex.ru

Arkady Yeryomin – PhD, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia; 10/2 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation; E-mail: eremin_aa@rudn.university

Svetlana Bokeriya – PhD, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia; 10/2 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation; E-mail: petrovsvet@yandex.ru

Abstract

Since the collapse of the Soviet Union, the problem of Russia's relations with the countries of the former USSR has traditionally been the focus of attention of both the academic and the expert community. This issue becomes especially urgent in the context of significant changes in world politics caused by the rapid deterioration of relations between Russia and the western world following the escalation of the Ukrainian crisis. This article identifies the key economic, political and social factors having a negative impact on the current dynamics of relations between the Russian Federation and the countries of the Commonwealth of Independent States (CIS) and thereby gradually decreasing Russia's influence in the former Soviet Union.

The article is structured around three groups of factors – objective, ambivalent and subjective – which impede the growth of Russia's influence in the former Soviet Union. Objective factors are related to economic and political issues, ambivalent (mixed) factors are those of sociocultural and historical nature and subjective factors are predominantly psychological. Based on an extensive analysis of relevant material, the authors conclude that the CIS countries refuse to follow the pro-Russian path not only (and in some cases not so much) due to the objective need of the post-Soviet countries for diversified political, trading and economic ties, but also (and rather) for several subjective, social and cultural, political and psychological factors considered in detail below. An important conclusion of this research is that most subjective factors negatively affecting the efficiency of Russia's policy in the former Soviet Union can be potentially and significantly minimized in a relatively short term. Objective factors, especially those concerning Russia's declining role in the world economy and its reduced trade volumes with the CIS countries, on the contrary, are of a rather long-term nature and therefore it may take a considerable amount of time to adjust the current dynamics.

Key words: foreign policy; multilateralism; CIS; former Soviet Union; Russia; political influence

For citation: Petrovitch-Belkin O., Yeryomin A., Bokeriya S. (2019) The Problem of Russia's Declining Influence in the Former Soviet Union: Why Are the CIS Countries Drifting Toward Multilateralism? *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 1, pp. 94–112 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-06

References

Altyn-orda (2015) Nazarbayev: EAEU Will Not Have a Single Currency, 14 December. Available at: <https://www.altyn-orda.kz/nazarbaev-edinoj-valyuty-v-eaes-ne-budet> (accessed 10 September 2018). (In Russian)

¹ The editorial board received the article in May 2018.

Arslanov R.A., Dzhangiryan V.G. Kurylev K.P., Petrovich-Belkin O.K. (2017) West European Countries and Their Foreign Policy in the Views of the Russian Liberals of Mid-to-Late Nineteenth Century. *The International History Review*, vol. 40, no 4, pp. 916–938. Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/07075332.2017.1350873?journalCode=rinh20> (accessed 25 February 2018).

Bazyleva S.P., Chernenko Y.F. (2016) Sotrudnichestvo Uzbekistana i Rossii kak stabiliziruyushchij faktor na evrazijskom prostranstve [Evolution of Relations Between Russia and Uzbekistan as a Stabilizing Factor in Eurasia]. *Vestnik RUDN: International Relations*, vol. 16, no 3, pp. 505–520. (In Russian)

Collective Security Treaty Organization (CSTO) (2007a) The Agreement on the Peacekeeping Activities of the Collective Security Treaty Organization, 6 October. Available at: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=19059 (accessed 4 September 2018). (In Russian)

Collective Security Treaty Organization (CSTO) (2007b) The Resolution of the Collective Security Council of the Collective Security Treaty Organization on the Establishment of the Emergency Management Coordination Council of the Member States of the Collective Security Treaty Organization, 6 October. Available at: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=21503 (accessed 4 September 2018). (In Russian)

Collective Security Treaty Organization (CSTO) (2012) The Agreement on the Formation and Operation of the Forces and Assets of the Collective Security System of the Collective Security Treaty Organization, 14 June. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/902379431> (accessed 4 September 2018). (In Russian)

Collective Security Treaty Organization (CSTO) (2014) The Resolution of the Collective Security Council of the Collective Security Treaty Organization on the Action Plan for the Implementation of the Basic Guidelines for the Development of the Collective Security Emergency Response System of the Member States of the Collective Security Treaty Organization, 23 December. Available at: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=82006 (accessed 4 September 2018). (In Russian)

Degterev D., Vasilyuk I., Baum V. (2018) Parametry mnogovektornosti vneshnej politiki stran SNG: prikladnoj analiz [Multiplexity Parameters of the CIS Foreign Policy: Applied Analysis]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no 1, pp. 63–75. (In Russian)

Descalzi C.A.G. (2011) *Russian Hegemony in the CIS Region: An Examination of Russian Influence and Variation in Consent and Dissent by CIS States to Regional Hierarchy*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/277072514_Russian_hegemony_in_the_CIS_region_an_examination_of_Russian_influence_and_of_variation_in_consent_and_dissent_by_CIS_states_to_regional_hierarchy (accessed 26 February 2018).

Dorozhkin Y.N. (2012) Aktual'nye problemy modernizacii politicheskoy sistemy Rossii [Contemporary Problems of the Russian Political System Modernization]. *Vlast'*, no 10, pp. 10–13. (In Russian)

Eurasian Economic Commission (EEC) (2016) Free Trade Agreement Between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the One Part, and the Socialist Republic of Viet Nam, of the Other Part. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/EAEU-VN_FTA.pdf (accessed 4 September 2018).

Eurasian Economic Commission (EEC) (2017) A Common Market of Medicines Launched in the EAEU. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/5-05-2017.aspx> (accessed 1 September 2018). (In Russian)

Eurasian Economic Union (EAEU) (2016) About the Program for the Formation of a Common Electric Power Market of the Eurasian Economic Union. Supreme Eurasian Economic Council Decision No 20, 29 December. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/456056118> (accessed 2 September 2018). (In Russian)

Eurasian Economic Union (EAEU) (2018) Treaty on the Eurasian Economic Union (as amended May 14, 2018) (edition effective since August 12, 2017). Available at: <http://docs.cntd.ru/document/420205962> (accessed 2 September 2018). (In Russian)

Fedorchenko S.N. (2017) MVF i social'no-politicheskie processy na postsovet'skom prostranstve [IMF and Socio-Political Processes in the Former Soviet Union]. *Vestnik RUDN: International Relations*, vol. 17, no 1, pp. 22–33. (In Russian)

Foreign Trade of Russia. Federal Tax Service of Russia Data. Available at: <http://russian-trade.com> (accessed 12 February 2018). (In Russian)

- Galoyan N.G. (2015) Armyano-gruzinskije otnosheniya v kontekste regional'noj bezopasnosti na Yuzhnom Kavkaze [Armenia-Georgia Relations in the Context of Regional Security in Transcaucasia]. *Vestnik RUDN: International Relations*, vol. 15, no 4, pp. 120–131. (In Russian)
- Gomart T. (2006) *What is Russia's Influence in Post-Soviet Sphere?* Available at: https://www.researchgate.net/publication/290650293_What_is_Russia%27s_influence_in_Post-Soviet_sphere (accessed 28 February 2018).
- KRG (2016) A. Atambayev: Multilateral Foreign Policy is Based on the National Interests of Kyrgyzstan. Available at: <http://krg.rus4all.ru/exclusive/20160505/726618208.html> (accessed 14 February 2018). (In Russian)
- Kurylev K.P., Naryshkin V.S., Ozinkovskaya Y., Rakhimov K.Kh. (2016b) Evraziiskii ekonomicheskii soyuz vo vneshnepoliticheskoi strategii Rossii [EAEU in Russian Foreign Policy Strategy]. *Vestnik RUDN: International Relations*, vol. 16, no 1, pp. 75–86. (In Russian)
- Kurylev K.P., Ngoyan A.L., Palasios K.E., Skudina O.V. (2016a) Neuregulirovannye konflikty na postsovet'skom prostranstve v analize zapadnyh ehkspertno-analicheskikh centrov [Unsettled Conflicts in the Former Soviet Union in the Analysis of the Western Research Centres]. *Vestnik RUDN: International Relations*, vol. 16, no 3, pp. 482–493. (In Russian)
- Lapkin V., Pantin V. (2016) Etnopoliticheskie konflikty na postsovet'skom prostranstve: rol' vneshnepoliticheskikh faktorov [Ethno-Political Conflicts in the Former Soviet Union: The Role of Foreign Policy Factors]. *World Economy and International Relations*, vol. 60, no 12, pp. 92–103. (In Russian)
- Menon R., Rumer E.B. (2014) *Conflict in Ukraine: The Unwinding of the Post-Cold War Order*. Massachusetts: MIT Press.
- Obolensky V. (2017) Otkrytost' nacional'nyh ekonomik: mir i Rossija [The Openness of National Economies: The World and Russia]. *World Economy and International Relations*, vol. 61, no 10, pp. 5–15. (In Russian)
- President of the Republic of Kazakhstan (2018) Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated October 26, 2017 No 569 On Translation of Kazakh Alphabet from Cyrillic into Latin Script (as amended 19 February 2018). Available at: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33613600#pos=5;-103 (accessed 15 February 2018). (In Russian)
- RIA News (2017) Lukashenko Asserts Belarusian Foreign Policy Shall be Multilateral. 3 February. Available at: <https://ria.ru/world/20170203/1487110298.html> (accessed 14 February 2018). (In Russian)
- The Foreign Policy Concept of the Russian Federation (2016) Available at: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6B6BZ29/content/id/2542248 (accessed 28 September 2018).
- Tut.by (2018) EEC: Russian Restrictions on the Supply of Milk from Belarus Show Signs of a Violation of the EAEU Agreement, 6 June. Available at: <https://news.tut.by/economics/595738.html?crnd=39719> (accessed 10 September 2018). (In Russian)
- World Bank (c. a.). World Development Indicators. Available at: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators> (accessed 12 February 2018).
- Zagorsky A. (ed.) (2015) *Russia and East Central Europe After the Cold War: A Fundamentally Transformed Concept*. Available at: <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/11384.pdf> (accessed 25 February 2018).